

МОСКВА
Издательство АСТ

НИНА ХЕЙМЕЦ

ОДНАЖДЫ В ОВИДИОПОЛЕ

Марья Алексеевна вышла купить черный чай, устала и умерла. Время близилось к полудню. Солнце висело над городом, подрагивая и не двигаясь, как выскользнувший из рук зазевавшегося первоклассника гелиевый шарик. Марья Алексеевна сидела на стуле у входа в гастроном, облокотившись на спинку и вытянув вперед ноги в теплых старушечьих чулках. Каждый, кто заходил в стеклянную дверь — за солью ли, за конфетами, за сметаной, или печеньем, — отражался в ее глазах, от одного уголка глаза до другого проделывал путь, ничем не потревоженный — ни движением зрачков, ни мелкими сокращениями зрительных мышц, контролировать которые обычно не в силах смотрящего. На разжавшихся пальцах правой руки Марьи Алексеевны, зацепившись, висела сетчатая авоська, а в ней — две пачки чаю, желтые пухлые кубики с нарисованными на них слонами, на каждом из них ехал человек в пышной чалме, подкручивал ус и курил длинную трубку. Солнце сдвинулось с места и медленно спускалось к горизонту.

Тень, отбрасываемая Марьей Алексеевной, становилась все длиннее, пока не пересекла площадь, упершись в дом напротив. На этом месте тени прежде не задерживались, и прохожие, пересекая темную прохладную полосу, чувствовали, что что-то изменилось, что-то возникло, появилось и присутствует там, где раньше его не было. Некоторые ускоряли шаг, некоторые перепрыгивали, одна только Лю-Сю задержалась в этой тени, повернула голову и встретила взглядом с Марьей Алексеевной. Вызвали полицию. Покойницу отнесли домой, прямо, как была, на стуле. Авоську с желтыми кубиками кто-то положил ей на живот, чтобы не пропала. Думали ломать дверь квартиры, но потом сообразили, что Марья Алексеевна должна же быть с ключом — так и оказалось. Ключ был неожиданно теплым. Видимо, лежал в кармане с солнечной стороны.

Полиция должна была оповестить родственников, но в квартире Марьи Алексеевны не обнаружилось никаких документов, которые помогли бы установить с ними связь — ни писем, ни телеграмм, ничего. Только фотография Хемингуэя в рыбацком свитере, деревянные щипцы для орехов в форме головы Мефистофеля с алыми губами, да четыре одинаковых, в твердой обложке с золотым тиснением, томиков Овидия на полке. Впрочем, такие томики в нашем городе есть практически у каждого. Их дарят при значимых событиях, раз такое дело. Выходило, что у Марьи Алексеевны подобных событий было минимум три, не считая рождения, но это полиции

никак не помогало. Квартиру с Марьей Алексеевной внутри опечатали. Выйдя во двор, Лю-Сю посмотрела в ее окна, на втором этаже. Небо было затянуто облаками, стекла тускло поблескивали, отражая свет фонарей; крючковатый алоэ громоздился на подоконнике.

Нужно было решать вопрос с похоронами, и, опять же — что бы мы делали без Лю-Сю. Погребение — дело накладное, но Лю-Сю нашла выход — вычитала в объявлениях, выведала у знакомых знакомых, вызвонила в инстанции. В общем, оказалось, что существуют бригады могильщиков-практикантов, которые все организуют, что называется, под ключ, от А до Я, буквально за гроши, только чтобы опыта набраться. Лю-Сю такую бригаду и выписала из области.

* * *

Мы стоим у подъезда и ждем Марию Алексеевну. Ирина Павловна с пятого этажа вздыхает в накрахмаленный платок. Антонина Федоровна из третьего подъезда, как всегда, — с беззубой болонкой Лили на поводке. И Лю-Сю, конечно, тоже здесь. На ней кимоно с фламинго, подпоясанное широкой лентой, волосы забраны в тяжелый пучок со спицами, лицо выбелено мелом, брови подведены углями. Наконец, мы слышим на лестнице стук шагов, цокают кованые каблуки. Распахивается дверь подъезда. Мария Алексеевна сидит на золотом троне; трон стоит на носил-

ках из сандалового дерева; носилки несут шестеро человек в черных костюмах и масках.

— А маски-то для чего? — шепчет Ирина Павловна.

— Так нужно, — отвечает Антонина Федоровна, берет на руки Лили, и крепче прижимает ее к себе.

Марья Алексеевна проплывает над нами. На голове ее — кружевной чепец. Лицо спокойное, торжественное и немного обиженное. Мы пристраиваемся за носилками. Процессия движется по главной улице. Окна отражают солнце красными всполохами. В комнатах плачут женщины и дети. «Мама, мама, — доносится из одного из окон, — там похороны и оркестр!» И действительно, оркестр же! Странно, что мы на него не обратили внимания, а, меж тем, уже давно ведь идем, пританцовывая. Оказывается, за нами все это время ехал грузовик, на его кузове — платформа. На ней дуют в трубы щекастые негры, извивается вокруг своего инструмента контрабасист; ударник, орудя локтями, отстукивает ритм. Лили подвывает в такт. На барабанной установке надпись: «ВИА “Долороза”». В медных тромбонах отражаются заполненные людьми улицы. Крутят сальто акробаты; пляшут на канатах арлекины; из переулков присоединяются люди в маскарадных костюмах — звездочеты в расшитых мантиях, силачи с топорами и лицами, скрытыми под красными колпаками, воины на верблюдах, факиры на слонах,

всадники с кривыми саблями, тигры с орлиными головами, скелеты в ржавых кольчугах, львы с золотыми клыками, лисы, птицы, стрекозы, змеи с крыльями и без крыльев.

* * *

Хаджи-бей поднимается с подушек и подходит к окну башни. В ночном небе взрываются петарды, сверкают зарницы. Вдалеке — шествие; сползает к лиману, как огромный переливающийся спрут. Хаджи-бей усмехается, задергивает на окне парчовый занавес и возвращается на подушки. На полпути он останавливается перед небольшим столиком, на котором — шахматная доска из эбенового дерева, инкрустированная перламутром. Он делает ход белым слоном. Потом, обойдя доску, съедает этого слона черным конем. Белому королю — шах. Черными изначально играл Абу Саид, однако чем ближе к власти, тем больше соблазнов для глаз и капканов для сердца. Вот и Абу Саид не избежал ловушки, затеял против него недоброе, писал доносы султану, отправлял их с голубями — все застрелены лучниками, отсылал с окунями — все бились в сетях его рыбаков. Пришлось его казнить. Голова Абу Саида покатила по песку, и тут же на нее налетели черные птицы, подцепили острыми когтями и скрылись с ней за морем. Притаившаяся белая пешка нападает на коня. Смерть игрока — не повод прерывать партию, так считает Хаджи-бей.

* * *

Мы приближаемся к лиману. Впереди поднимается с земли огненное облако.

— Дракон! — ахает Ирина Павловна.

— Не дракон, а воздушный шар, — поправляет ее Антонина Федоровна.

Шар все ближе. Гремят барабаны. Трон с Марьей Алексеевной перемещают в его корзину, убранную коврами. На коврах вышиты шелком рептилии с перепончатыми крыльями. Белый чепец Марьи Алексеевны сияет в свете звезд. В ее глазах — снова открытых — отражается пламя. Шестеро всадников, разом взмахнув саблями, обрубают канаты. Мы успеваем — в последний раз — увидеть лицо Марьи Алексеевны, с черным провалом рта и заполненными огнем глазницами — и шар взмывает вверх, в разреженный фейерверками воздух. Он улетает, затягивая за собой, как шлейф, разноцветные вспышки, свет факелов и фонарей, звуки музыки, шум голосов, хлопки ракетниц. Мы стоим, запрокинув головы, и провожаем его взглядом. Шар уменьшается, становится размером с далекую луну и там, в вышине, взрывается. В небе образуется огненная дыра, ее края мечутся и извиваются, как щупальца, но постепенно их движение замедляется, и дыру медленно затягивает темный воздух. Через несколько секунд наших волос и лиц касается что-то мягкое — пепел. Он опускается на песок, и на белесую воду лимана — легкий и незаметный. Из-за рябоватой глади моря медленно всплывает по небу солнце.

РЕЦЕПТ НЕВЫПИТОГО ЧАЯ

Рецепт зависит от того, при каких обстоятельствах чай не был выпит. Если, например, вы не успели выпить уже приготовленную чашку, выходили из дому, на ходу надевая пальто, быстро шли по улице, вдыхая пропитанный дождем холодный воздух, то в чай добавляется кусочек темного шоколада. Если же вы просто раздумали пить чай, можно добавить в него листок мяты и еще один ингредиент — любой, но первый, который вам придет в голову: ложку меда, лист герани, контакт батарейки, когда ее касаешься языком, щепотку полыни, тертые ракушки, стебель подорожника, счастливый билет, и т.д. Если вы не налили себе чай не из-за смены собственного настроения, а по другой причине, рекомендуется увеличить число дополнительных ингредиентов.

НИНА ХЕЙМЕЦ

СОЕДИНЕНИЕ

Чак вернулся, вернулся, вернулся опять. Звук дверного звонка взрезает барабанные перепонки, резонирует с железнодорожными мостами, мчится в узкой долине флотилией жужжащих беспилотников. Я вскакиваю с кровати, нашариваю тапочки, путаю левый с правым, спешу в прихожую. Зажигается свет, мама выходит из комнаты; Бенжи уже здесь, в пижаме с иголки; бабушка срочно вытирает в квартире пыль, сослепу смахивает со стола пустой стакан. Тот, конечно, падает и разбивается. Звонок не умолкает. Наконец Бенжи заглядывает в дверной глазок — «Он» — и, немного помедлив, поворачивает в замке ключ.

Получалось, что Бенжи видит Чака дважды. Первый раз — когда еще никто не знает о его чудесном, всем шансам вопреки, спасении; когда никто уже и не думал, когда мысли тех, кто его знал, уже текут над ним, почти его не задевая, не возвращая, не поворачивая к нам лицом. Второй раз — когда

распахивается наша дверь. Мне казалось, что если разглядеть того, первого Чака внимательнее, и суметь — мысленно — соединить его со вторым, входящим, закроется брешь, восстановится невидимый нам механизм, и Чаку больше не придется к нам приходить.

Однажды я опередил Бенжи, и заглянул в глазок первым. Чак стоял там — это был тот раз, когда их яхта перестала выходить на связь где-то в районе Огненной земли. Три месяца поисковых экспедиций, усиленного воздушного патрулирования, журналистских расследований (утверждалось в частности, что яхта перевозила какой-то сверхсекретный прибор; что некой разведслужбой была перехвачена зашифрованная переписка между неизвестным и одним из пассажиров, с инструкциями, как вывести из строя бортовую систему навигации; и что запасов провизии изначально не могло хватить на запланированное путешествие) — и судно было обнаружено аргентинскими рыбаками, просто выплыло им навстречу ранним утром. Пустой корпус — ни парусов, ни снастей, ни боржурнала — ничего. Только Чак у нас на лестничной клетке. «Как здорово, — говорит, — как здорово дышать полной грудью». Мы провожаем его в большую комнату. Мне кажется, будто я слышу, как с каждым шагом у него хлюпают ботинки, а на улице, меж тем, абсолютно сухо. Уже месяц как не было дождей. Но потом прислушался — это не вода, а просто подошвы такие. Скрип-скрип. Бабушка успела подмести осколки, мама достает из